

Когда Хэ Бянь поднял руку, чтобы ударить, у него дрожали пальцы и бешено колотилось сердце, но в душе всё ещё мелькнула мысль — разбить Чжан Мэйлинь голову до крови.

Мысль эта вспыхнула лишь на мгновение и тут же была подавлена.

В их династии государство держалось на сыновней почтительности: стоило лишь применить закон о "сыне, оскорбившем отца", и можно было получить побои и угодить в тюрьму. К тому же его приёмный отец, плотник Тянь, был крепким и сильным — ни в чём Хэ Бянь не имел преимущества, поэтому действовать нужно было осторожно.

Для других это могло бы быть трудно, но он всё-таки десятки лет провёл призраком: каждую мелочь из жизни каждой семьи знал как свои пять пальцев. Неужели ему бояться деревни Тяньцзя?

С тревогой в душе Хэ Бянь пытался себя успокоить.

Ему предстояло столкнуться не только с семьёй Тянь, но и со всей деревней.

Ну и пусть страшно — это его не остановит.

Хэ Бянь умылся, привёл себя в порядок и немного постоял под солнцем, пока холод в руках и ногах не начал понемногу отступать, словно в тело возвращалась человеческая жизнь.

И тут живот громко заурчал.

Зайдя в дом, он сразу почувствовал густой аромат куриного бульона, властно ворвавшийся в ноздри. Хэ Бянь невольно втянул носом воздух и раскрыл рот, жадно вдохнув.

Его желудок, долгое время недоедавший и лишённый жирной пищи, теперь, лишившись привычного сдерживания, будто ободрился и тут же громко запротестовал.

Он залпом выпил целую большую миску. Живот постепенно наполнился, и казалось, что ароматное тепло проникло во все внутренности, смягчив их, смыв накопившуюся злобу и жестокость, а также чувство отрешённости, словно он жил в другом мире.

Раньше он пил лишь воду, в которой раз за разом вываривали одни и те же куриные кости — от настоящего бульона там почти не было вкуса.

Так вот, сделав всё это, он отправился к дому тётушки Тан Тяньцзяо, что жил неподалёку.

Раз уж намечается хорошее представление, как же обойтись без зрителей?

Можно сказать, что во всей деревне именно Тан Тяньцзяо больше всех желала, чтобы с Чжан Мэйлинь случилось несчастье.

К тому же в детстве она не раз проявляла к нему доброту: в те годы, когда почти каждая семья жила впроголодь, Тан Тяньцзяо могла оставить собственных детей голодными, лишь бы накормить его.

У Чжан Мэйлинь и Тан Тяньцзяо, по сути, не было вражды. Более того, до замужества они были близкими подругами, а их мужья приходились друг другу родственниками, пусть и не самыми близкими. Но после свадьбы их отношения почему-то разрушились.

Причин тут было немало — и обычное деревенское соперничество в мелочах, и, что куда

важнее, у Чжан не было сына. Она постоянно тревожилась, подозревая, что Тан Тяньцзяо посягает на имущество их семьи, а в конце концов, потеряв рассудок от подозрений, даже стала думать, будто овдовевшая Тан Тяньцзяо хочет увести её мужа.

А что на самом деле думала Тан Тяньцзяо — сказать трудно. Она не имела привычки разговаривать сама с собой, и даже когда Хэ Бянь, будучи призраком, подкрадывался к ней со спины, подслушать ему так ничего и не удалось.

«Тётушка! Ваньсин довёл мою мать до обморока! Она упала, ударилась затылком и опрокинула ночной горшок. Помоги, пожалуйста, занести её в дом!»

Тан Тяньцзяо в этот момент как раз обсуждала с домочадцами чьи-то помолвки и слухи о распутстве. Услышав это, она изменилась в лице — в её выражении смешались неловкость, удивление, раздражение и тревога, но среди всего этого явно проглядывало злорадство.

Глядя на Хэ Бяня — обычно смуглого и желтоватого, а теперь бледного, с дрожащими от слабости руками и бескровными губами, — она всё же восприняла его слова всерьёз.

Хлопнув в ладоши, она вскочила и поспешно побежала к двору семьи Тянь.

Хэ Бянь, ослабев после диареи, шёл, обхватив себя руками, спотыкаясь на каждом шагу. Но, видя, как бодро и энергично мчится Тан Тяньцзяо, он ощущал в душе удовлетворение.

Та, словно боялась, что вся деревня не услышит, бежала и на ходу громко причитала, изображая сочувствие.

«Грех-то какой! Ай-яй... И что же это опять случилось? Моя невестка ведь ни с того ни с сего — и насмерть разозлилась от слов Ваньсина!» - причитала она, с таким надрывом, будто сердце разрывалось от боли.

Люди из соседних домов, услышав, что кого-то "до смерти довели", тут же повыбежали посмотреть, что произошло.

Кто-то ещё вполголоса, но с важным видом заметил:

«Ну а что, разве не ясно? Какая мать такое выдержит — да не помрёт от злости?»

«Вот именно! Ни стыда ни совести. Такая умная и работающая женщина, как Чжан, — и вырастила такого глупого и бесстыжего, как этот Ваньсин».

«Да его просто разбаловали. С таким павлиньим характером, как у него, какой мужик перед ним не станет заискивать?»

«Заискивать? Да его теперь, боюсь, слюной да плевками утопят. Мужики — если не могут получить, так уничтожат. Уж куда злее наших слов».

Хэ Бянь занервничал и стал просить тётушек и бабушек не говорить так, но в ответ Тан Тяньцзяо лишь отругала его за глупость.

А ведь она помнила, каким он был в детстве — смышлёным, живым, с ясным лицом, что всем нравилось. Даже несмотря на то, что Чжан Мэйлинь его притесняла, Тан Тяньцзяо не раз тайком подкармливала его.

Такой красивый и сообразительный ребёнок — и вырос теперь в худого, иссохшего, словно

палка.

И о чём только думали его родные родители, раз смогли продать такого ребёнка...

Видя тревогу и растерянность Хэ Бяня, Тан Тяньцзяо вздохнула:

«У твоей матери голова мужиком забита, а совесть, видно, собаки сгрызли. За это ей ещё расплачиваться придётся. Раз ты зовёшь меня тётушкой, я многим тебе помочь не могу, но хоть совет дам — думай больше о себе».

Судя по тому, как она знала Чжан Мэйлинь, этот "обморок" скорее всего был лишь игрой после позора — чтобы заткнуть людям рты.

Мол, раз она сама до обморока дошла, так деревенские потом не станут об этом при ней говорить. А не дай бог что случится — так начнутся склоки да требования денег.

Но когда они добежали до двора семьи Чжан, все враз остолбенели.

Чжан Мэйлинь лежала на земле, ночной горшок было опрокинут, и зловонная жижа стекала с её лица по шее на одежду... Даже женщины, привыкшие иметь дело с навозом, едва взглянув, испытывали тошноту — настолько это было отвратительно.

Те, кто прибежал с таким воодушевлением, разом отпрянули назад, чуть не сбив друг друга с ног.

Лишь Тан Тяньцзяо на мгновение замерла, затем лицо её стало серьёзным. Она подошла ближе, присела и коснулась пальцами под носом у Чжан Мэйлинь. Дыхание было — и она облегчённо выдохнула.

Вдруг Тан Тяньцзяо повернула голову и спросила Хэ Бяня:

«Ты говоришь, это Ваньсин её ударил?»

Хэ Бянь опешил.

Остальные женщины тоже сочли вопрос странным. Неужели это мог быть Хэ Бянь? Да как такое возможно — он ведь в деревне считался самым послушным, честным и почтительным ребёнком.

Даже после утреннего позора он не смог связать ни слова, лишь молча сидел во дворе.

А вот Тянь Ваньсин, наоборот, был известен своей капризностью и эгоизмом — все знали, что он думает только о себе и слыл избалованным и неприятным.

Но одно дело знать, а другое — поверить, что он способен на столь позорный, бесстыдный поступок.

Хэ Бянь не ожидал, что Тан Тяньцзяо вдруг заподозрит его и попытается подставить, и поспешно сказал:

«Это Ваньсин дал матери пощёчину, наговорил злых слов и убежал. Мать от злости упала, ударилась о горшок и ещё головой стукнулась...»

С ними пришедшая вторая тётка Чжан воскликнула:

«Что?! Я же говорила, что Тянь Ваньсина избаловали. Утром его поймали на прелюбодеянии, а днём он ещё и мать ударил! Боже мой, второго такого на свете, пожалуй, не сыщешь. Настоящий бес-должник явился!»

Любимый до безумия сын Чжан Мэйлинь в итоге оказался таким неблагодарным — за это, говорили, небеса карают громом. Все качали головами, цокали языками, а в глазах скрытое злорадство всё равно проступало.

Но Тан Тяньцзяо сейчас ощущала странное несоответствие — что-то было не так именно с Хэ Бянем.

Раньше он, говоря, даже не смел поднять глаза — взгляд пустой, притуплённый, сам весь сжавшийся, робкий. Сейчас же, хотя лицо его было бледным, он казался напуганным до бессилия, растерянным, будто не находил себе места... но его глаза — вопреки всему — стали яркими, и в них проскальзывала едва заметная хитрость и расчёт.

Тан Тяньцзяо пристально посмотрела на него:

«Что-то мне кажется, сегодня ты какой-то не такой. Словно подменили».

У Хэ Бяня внутри всё оборвалось — от страха он едва не разрыдался. И это было не притворство. Настоящий, неконтролируемый ужас сковал его, как прежде, до перерождения: стоило чему-то случиться — и разум пустел, руки и ноги слабели.

Стоявшая рядом тётка Тянь Саньня вмешалась:

«Тан Тяньцзяо, ты чего странная такая? Зачем пугаешь Хэ Бяня? Лучше бы Ваньсина поругала, вот кого надо».

В последнее время был голодный период между урожаями, и Чжан Мэйлинь одолжила Тан Тяньцзяо пять доу зерна — так что они даже какое-то время ладили и не ссорились. Теперь слова Тан Тяньцзяо выглядели как попытка давить на честного человека ради приличия.

Все это прекрасно понимали: перед кем ты спектакль разыгрываешь?

Другие тоже начали упрекать Тан Тяньцзяо, но та, глядя на лежащую на земле Чжан Мэйлинь, всё равно не хотела, чтобы на Тянь Ваньсина легло ещё одно обвинение.

Иначе, когда Чжан Мэйлинь придёт в себя, ей станет ещё тяжелее — она и без того превратится в посмешище для всех окрестных деревень.

Тан Тяньцзяо сказала Хэ Бяню:

«Это только твои слова. Никто не знает, как было на самом деле. Нельзя принимать за правду всё, что ты говоришь».

Хэ Бянь понял — это враждебность.

В прошлой жизни он видел лишь, как Чжан Мэйлинь и Тан Тяньцзяо дрались насмерть и поносили друг друга до седьмого колена, и не ожидал, что сейчас Тан Тяньцзяо вдруг станет защищать Чжан Мэйлинь.

А ведь раньше именно она в деревне относилась к нему лучше других, жалела его... И теперь — сомневается в нём.

У Хэ Бяня в голове на мгновение всё опустело, в ушах зазвенело. Он прикусил язык, заставляя себя успокоиться: он уже не тот, кто при чужой грубости и напоре сразу теряется.

Его молчание заставило и остальных, следуя словам Тан Тяньцзяо, начать присматриваться к нему с сомнением.

Взгляды один за другим падали на него — судящие, оценивающие, подозрительные. Спина Хэ Бяня будто укололась иглами. Он сжал кулаки и сказал:

«Тётушка Тан, ваш сын Тан Гуй раньше отбирал у меня лесные ягоды. Я не отдал только один раз — до этого десять раз отдавал. Не можете же вы теперь из-за этого мстить мне и распускать слухи!»

Все снова посмотрели на Тан Тяньцзяо — кто не знал, что Тан Гуй тот ещё сорванец?

<http://bllate.org/book/17226/1612748>